Лазурный берег болота

Автор:
Дарья Донцова

Лазурный берег болота

Дарья Аркадьевна Донцова

Иронический детектив (Эксмо)Татьяна Сергеева. Детектив на диете #29

Самые необычные приключения, как правило, начинаются самым обычным образом. В офис особой бригады явилась Вероника Олеговна Каменева и рассказала, что ее муж Николай Петрович, успешный бизнесмен, недавно умер. Причиной смерти Николая назвали остановку сердца. Непонятно почему совершенно здоровый мужчина утром проснулся, сел на кровати и умер! Прошло некоторое время, и младший сын Макс стал работать во флигеле отца. Иногда он засиживался допоздна и ночевал в спальне покойного. Там его и нашли. Мертвым. Подруга вдовы, гадалка и целительница, утверждает, что смерть отца и сына устроили потусторонние силы, а именно энергетический вампир Айпетри. Но Татьяна Сергеева не верит в привидения, астральные удары, магию. Она понимает: кто-то убил Каменевых, нужно только узнать, кто именно. Но разгадка окажется такой невероятной, что даже привычная ко всему Татьяна будет ошеломлена, когда поймет, где находится лазурный берег болота.

Дарья Аркадьевна Донцова

Лазурный берег болота

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Донцова Д.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава первая

Если мужчина объявляет: я совершенно свободен, то не следует сразу соглашаться на ужин у него дома, сначала уточните: он свободен или просто никому в хозяйстве не пригодился.

Я начала гладить по голове французского бульдога Роки. Парень пятой свежести, который сидел напротив, переместился на свободный стул рядом со мной.

– Девушка, честное слово, у меня к вам серьезные намерения. Я люблю животных. Просто обожаю. Хочу жениться на женщине с котом! Поэтому и пришел в ветклинику. Если баба с кошаком, то она точно без мужика. Мое одиночество встретилось с вашим одиночеством.

Я молча чесала макушку Роки. Возможно, потенциальный жених подслеповат, поэтому и перепутал собаку с кисой.

– Я совершенно одинок, – твердил тем временем незнакомец. – И ничего, что намного моложе вас…

Я постаралась сидеть спокойно, хотя слова «Намного моложе вас» вызвали у меня оторопь. Да по виду «юноше» хорошо за пятьдесят. И большую часть своей жизни он, похоже, провел с любимыми подругами по имени Бутылка и Сигарета.

– У вас нет семьи? – осведомилась Ирина Леонидовна, которая, держа Мози, восседала у двери в кабинет.

– Абсолютно, – заверил «принц», – вы вполне симпатичная, аппетитная, как яблочко, но простите, по возрасту слегка подгнили с одного бока. Я ищу жену помоложе.

У моей свекрови заблестели глаза. Мне стало понятно: Рина что-то придумала.

– И как тебе в голову пришло, что я предлагаю свою кандидатуру? – непонятно откуда взявшимся у нее противно-скрипучим голосом поинтересовалась мать Ивана. – Сейчас с моей дочкой шуры-муры затеял! Как тебя зовут?

– Гоша, – чуть растерянно представился претендент на мою руку и сердце.

– Отлично, – обрадовалась «мама», – забирай дурынду. Давно хотим ее замуж выдать. У нас дом в селе, тридцать соток картошки, огурцы, теплица, сарай покосился, сортир набок завалился, крыша протекает. Работы! О!

Рина провела ребром ладони по горлу.

– И вот везуха, Гоша, что ты жениться решил. Надя! Возьми Роки, отдай Таньке кота!

Домработница мигом произвела рокировку. Мужик опешил.

– Ну… типа я только хотел… э… э… в гости ее позвать. Насчет семейной жизни… ну, не сразу же…

– Почему нет? – спросила Ирина Леонидовна. – Чего тянуть? Октябрь на дворе, дождь льет, на веранде лужа, а наша девка не замужем. Мужики ее по широкой дуге обходят. Ну, выпивает она. А кто к водочке не прикладывается? Забирай Таньку, кота и ехайте к нам домой прямо сейчас. А мы к доктору сходим и тоже

прикатим.

– Э… э… э… – протянул Гоша и встал. – Ну… ну… кот-то нам зачем?

– Так сам хотел кошака, – злорадно напомнила мать Ивана, – признался, что животных любишь. Вот и получай. Свадьбу сыграем в субботу. Самогончик уж год стоит, ждет еще с того дня, как Танька Петьку убила.

– Убила? – опешил Гоша. – Как?

– Дала ему по башке пустым ведром, а Петяха и скопытился, – пояснила Рина, – слабак. Ты, похоже, крепкий, выдюжишь. У Таньки рука тяжелая, характер железный, она не любит, когда с ней спорят. Давай, доченька, хватай хорошего парня и ехайте в наше Суково Солнечное. Мороженое ему не покупай, жених должен тебя угощать, а не наоборот. Для работы в огороде дай ему сапоги дяди Васи.

– Твоего шестого мужа? – внесла свою лепту в беседу Бровкина.

– Сеструха, очнись, вытряхни из мозга грызуна, который тебе извилины истоптал! – пришла в негодование Рина. – Шестой у меня был Леха, он в огороде помер, упал и не встал. От него Гошеньке, зятю, дождевик достанется. А Вася мой девятый, тот на краю платформы стоял, хотел в Москву сбежать, увидел, как я по перрону с ласковыми намерениями к нему со скалкой в руке двигаюсь, и свалился, головушкой о рельс тюкнулся! И нетуть его! Хорошо, что у меня в похоронном бюро скидочная вип-карта. Эдак и разориться на могильщиках можно. Вот с тобой удачно получилось. Все сеструхины мужики умирали женихами. А раз регистрации не было, то они нам чужие люди. Нехай ихняя родня суетится, мы только блины на поминках ели и плакали горько.

Я встала:

– Гоша! Поехали!

Мужик подпрыгнул и помчался по коридору.

– Бегуны из Кении отдыхают, – констатировала Рина. – Может, зря я так? Креативный дядечка! Не всякий додумается приехать в недешевую ветеринарную клинику и знакомиться с женщинами, которые привезли кота на осмотр.

– Он глупец, – высказалась Надежда Васильевна. – Если решил открыть охоту на состоятельную даму, то здесь можно нарваться на прислугу, которой поручили домашнего любимца на анализ отвезти. Кошки часто живут в семьях. С чего он решил, что только незамужние девы с усатыми, полосатыми в контакте?

– Потому что у него в голове лес стереотипов, – пояснила Рина, – блондинки – дуры, брюнетки – истерички, окрошку готовят летом, булки на ночь есть нельзя, а то превратишься в помесь слона с носорогом.

– Нельзя, – эхом повторила я, – вот это правда.

– Чепуха, – возразила Ирина Леонидовна, – я всегда лопаю перед сном плюшки, а вес стоит на месте.

Я опустила глаза. Я никогда не мечтаю о шубе, как у соседки, машине, как у девушки, которую случайно увидела на улице, муже, как у подруги. Манто я не ношу. Вернее, не надеваю шубу из натурального меха, вот из чебурашки сколько угодно. Автомобиль у меня служебный, и в нем столько полезного установлено! Обычные джипы такому внедорожнику и в подметки, вернее, в покрышки не годятся. Платьев-туфель у меня полная гардеробная. Но поскольку рабочий день у вашей покорной слуги не нормирован, то чаще всего я хожу в удобных джинсах и кроссовках. На шпильках быстро не побегаешь, по крыше не походишь, по льду тоже. А ситуации при моей службе бывают разные. Что же касается мужа, то я не знаю, за какие заслуги получила наилучшего. И в комплекте к Ивану Никифоровичу прилагается Ирина Леонидовна, самая замечательная на свете свекровь.

Отсутствие у меня зависти объясняется не моей высокой духовностью, а пониманием, что мне досталось все лучшее, а то, что я не получила, того мне и не надо. Но порой все же, когда я узнаю, что кто-то спокойно ест вкуснятину на ночь, меня берут завидки. Я даже от салата из свежих огурцов без соли, масла, сметаны пару лишних килограммов набираю.

Дверь кабинета открылась, вышла женщина с той-терьером, мы вскочили и толпой вошли в комнату.

– О-о-о! Рада вас видеть, – сказала Людмила Юрьевна. – Молодцы, что приехали на профилактический осмотр. Какие-то проблемы есть?

– Без них никуда, – вздохнула Бровкина, – Альберт Кузьмич редко ходит в туалет.

– Так, – сказала Людмила.

– Мози чешет уши и попу о ковер, грызет лапу, постоянно чихает, – пожаловалась Рина.

– Роки воет по ночам, – дополнила я.

– Интересно, – протянула наша доктор Айболит, – давайте проведем осмотр, а потом подумаем, что делать.

Примерно через два часа, нагрузившись в аптеке пакетами, мы вернулись домой и обнаружили там Ивана и Димона. Оба в задумчивости стояли на кухне у открытого холодильника.

– О чем мечтаем? – поинтересовалась Рина.

– Супчику захотелось, – протянул Иван Никифорович, – в шестнадцать часов придет одна женщина. Время пока есть, вот, приехали, а первого нет.

– Солянка и куриная лапша, – заявила Ирина Леонидовна, – выбирайте, что желудок просит. А можно и обе слопать, на здоровье вам пойдет.

Иван повернулся к матери:

– У нас есть суп?

Рина растопырила пальцы на руке.

– Сразу два!

– И где они? – спросил Коробков.

– В холодильнике, – усмехнулась Надежда Васильевна, – прямо перед вами.

Димон посмотрел на Ивана:

– Видишь еду?

– Нет, – ответил мой муж.

Рина взяла с полки большую кастрюлю.

– Здесь солянка!

Бровкина схватила другую.

– А тут куриный бульон.

Мужчины растерянно переглянулись.

– Клянусь своим ноутбуком, секунду назад этих горшков тут не было. Скажи, Вань! – пробормотал Коробков.

– Определенно не было, – согласился Иван, – в противном случае мы бы их заметили.

– У большинства представителей сильного пола есть врожденная болезнь – холодильниковая слепота, – усмехнулась Рина, – недуг генетический, передается от отца к сыну. Ванин папа тоже никогда не мог на полке трехлитровую бадейку заметить. Садитесь, мальчики.

– Что ветеринар сказал? – завел светскую беседу Димон, когда на столе появилась еда.

– У Роки желудочные колики, ему выписали таблетки, у Мози аллергия, тоже пилюли, плюс капли в уши, свечку в задницу, у Альберта Кузьмича запор, – отчиталась домработница.

– Приятного нам аппетита, – хмыкнул Димон. – Коту клизму ставить надо?

Я сразу поняла, что приятель шутит, но Бровкина восприняла его вопрос всерьез.

– Коту выписали лекарство, мы его заказали. Когда после работы домой поедете, возьмите в аптеке, должны привезти.

– Непременно, – пообещала я.

Глава вторая

– Меня зовут Вероника Олеговна Каменева, – представилась худенькая женщина.

– Слушаем вас, – сказал Иван Никифорович.

– Никто не знает, что я к вам направилась, – понизила голос дама, – мой визит – секрет от всех членов семьи.

– Мы не распространяем информацию о клиентах, даже если об этом попросят ближайшие родственники, – уточнил Димон.

– Не сомневаюсь в вашем умении хранить тайну, – испуганно произнесла Вероника, – извините, не хотела вас обидеть. Я нервничаю. Понимаете… Ох, не знаю, как начать!

– У вас неприятность? – участливо осведомилась я. – Что послужило поводом для визита к нам?

– Дети считают меня сумасшедшей, – пробормотала посетительница. – Но разве я похожа на психиатрическую больную? Выгляжу глупо? Или нацепила на голову миску для салата?

– Вы прекрасно выглядите, – заверила я.

– Психи подчас выглядят намного нормальнее нас, – пожал плечами Димон, – с виду просто профессор, ведет себя, как английский лорд. А потом, бумс, в мозгу у него перемкнуло, и он воткнул нож в горло соседу по вагону метро.

Я пнула Коробка под столом ногой.

– Мои слова к вам не относятся, – приятель живо дал задний ход, – просто я хотел обратить внимание на то, что внешний вид и поведение не всегда совпадают.

Я опять стукнула Димона ногой.

– Все, – шепнул он, – я замолк навеки.

– Мой покойный муж Николай Петрович имел медицинское образование, – продолжала посетительница, – он считался одним из лучших психотерапевтов. Потом изменил направление работы, стал крупнейшим специалистом по лжи.

– Простите? – спросила я. – Что такое лжа?

– Ложь, – улыбнулась гостья.

Димон мигом забыл о своем обещании молчать:

– Ваш супруг лучше всех врал?

Вероника засмеялась:

– Нет. Хотя, как все люди, Коля мог сказать неправду, но только посторонним. Дома он никого никогда не обманывал. Николая просили участвовать в

переговорах, он изображал сотрудника или помощника человека, который вел беседу. А после, когда собеседники уходили, муж объяснял, где и когда предполагаемый партнер слукавил.

– Ух ты! Нам такой специалист очень нужен, – восхитился Коробков.

– Муж создал сеть медцентров, где занимались только психологическими проблемами. Он всегда много работал, помогал людям, брал бесплатных пациентов, – перечисляла Вероника. – Мы с ним учились вместе. Николенька пришел в восьмом классе в школу, я его увидела, и все. Любовь с первого взгляда на всю жизнь. У нас четверо детей. Было. Сейчас только трое. Поэтому я к вам пришла.

Вероника сцепила пальцы в замок.

– Я нервничаю. Илюша, старший сын, считает, что у меня после смерти мужа ум за разум заехал. Рита, его жена, Марта и Лиза, наши дочери и зять, – все того же мнения. Я вчера перед ними на коленях стояла. В прямом смысле слова, не в фигуральном, плакала, умоляла: «Дети, не живите во флигеле, не надо. Вам дома мало? Не занимайте половину отца». Да я и вещи Николеньки не убирала. Это глупо. Муж умер. Кому нужны его костюмы, рубашки, галстуки? Если хотят, дети могут в мою вотчину перебраться, а я к ним перееду.

Вероника прижала руки к груди.

– Но когда я сделала это предложение, они все засмеялись. Понимаете?

– Пока не очень, – признался Иван Никифорович.

– Они все засмеялись, – повторила вдова, – даже мартышечка тихо так хихикнула. А уж мартышечка всегда на моей стороне. Но даже она… Вот. Поэтому я здесь.

Каменева замолчала.

Первым решил разобраться в ворохе непонятных сведений Димон:

– У вас живет обезьянка?

На лице гостьи впервые мелькнула слабая улыбка.

– Мартышечкой мы зовем Марту. Она наша приемная дочь. Однажды Николая Петровича попросили присутствовать при беседе с директрисой детдома, которую подозревали в нехороших делах. Все обставили, как визит мецената с женой. Якобы пара желает подарить приюту нечто полезное, приехала посмотреть на интернат. Поэтому и я понадобилась. Мы прибыли вместе с вышестоящим начальством всех приютов. До столицы рукой подать, ехать было недолго. Дети выглядели хорошо, одеты, правда, были по-деревенски, стиль «сельский шик». У девочек платья с воланами, капроновые банты в волосах. Мальчики в белых рубашках, под воротниками «бабочки». Принарядились они. Нас угостили чаем, на столе были пряники, конфеты. Ребята взяли по одной штучке, не накинулись. Потом состоялся концерт. Участники пели песни, танцевали, одна девочка, маленькая с виду, показывала номер, который в цирке называют «каучук». Гнулась в разные стороны, встала на мостик, голову между ногами просунула.

Мы зааплодировали, она выпрямилась и спросила:

– Вы хотите подарить интернату деньги?

Муж ответил:

– Возможно.

Директриса спросила:

– Марта, кто тебе разрешил с гостями беседовать?

Малышка даже головы не повернула, заявила:

– Не надо Раисе Ивановне деньги для детдома давать, она их на себя потратит. Хотите, я покажу карцер? Расскажу правду, как мы живем?

Откуда ни возьмись появились два мужика, направились к ребенку, но Николаша их остановил:

– Отойдите, в противном случае вы будете иметь дело со мной.

Бунтовщица отвела нас в подвал. Ужас! Там была оборудована натуральная пыточная! Остальные дети тоже осмелели, стали правду рассказывать. Директрису прямо на месте задержали. В интернат вошли приехавшие с нами полицейские, они до поры до времени прятались в минивэне. Ребятам пообещали смену руководства, всего педсостава. А Марту мы безо всякого разрешения увезли к себе домой. Нас пытались отговорить, воспитательница шептала: «Она подкидыш. Мы нашли ее в канаве. Разве порядочные люди дитя бросят? Определенно, генетика у девчонки страшная, она вас может ночью убить». Николай только бровь поднял:

– Спасибо за предупреждение.

И мы отважную малышку просто забрали. Побоялись оставить ее на месте. Мало ли что. Ей тогда исполнилось семь.

– Храбрая крошка, – улыбнулся Димон, – всех детей от злых воспитателей избавила.

– Честная, умная, талантливая, – добавила Вероника, – мы ее удочерили, она стала Каменевой Мартой Николаевной. Дети наши тогда были уже студентами, и вообще они все добрые. Хорошо приняли Марту. Илюша сейчас владеет торговым центром, Рита, его жена, заведует там пиаром и рекламой. Лизочка певица, оперная, у нее есть свои слушатели. А Макс… Попробую рассказать заново. Я немного успокоилась. Начну по порядку.

Глава третья

Вероника закрыла глаза, глубоко вдохнула, медленно выдохнула и завела рассказ.

Николай Петрович любил и уважал жену. Вероника не помнит случая, чтобы муж ее оскорбил и уж тем более ударил. Да, супруги порой спорили, не соглашались друг с другом, но крика и рукоприкладства в доме Каменевых не было никогда. Все недоразумения решались мирным путем. И детей родители научили беседовать. А что такое беседа? У тебя одно мнение по какому-то вопросу, у меня иное. Мы оба хотим достичь консенсуса. Я сообщаю свое видение проблемы, ты говоришь о другом взгляде. В моей позиции есть рациональное зерно и немалый процент глупости. И в твоей также. Наша задача сложить все умное и отмести идиотское. Беседа идет спокойно, потому что никто из ее участников не настаивает на собственной правоте, но каждый хочет нащупать правильный путь решения проблемы. И в конце концов он находится, а у всех людей после спокойного делового разговора нет ни обиды, ни затаенной агрессии. Почему? А потому что не стояла задача вознести свое «я», показать всем: умнее меня никого нет, все остальные дураки. Беседа – это разговор умных, воспитанных людей, которые не заинтересованы в «утоплении» второй стороны, не хотят продвинуть свое решение, они ищут компромисс. И находят его. А когда мат, лай, крик: «Все идиоты, слушать меня, я самый умный», то это не беседа, а базар, скандал и террариум в одном флаконе.

В семье Каменевых умели беседовать и были толерантны к мнениям членов семьи.

Вероника ложилась спать в девять вечера. И никто не говорил:

– Мама прямо как курица! Еще программа «Время» не закончилась, а она уже в кровати.

Ни один из детей, ни муж, ни невестка не врывались в спальню Вероники после двадцати одного часа с криком: «Мама, где новые батарейки?» Такого не было никогда. Илюша и Рита любили плавать в бассейне голыми и париться в домашней бане. Все знали, что в районе полуночи старший сын с женой плещутся в воде. Никто им не мешал. А Илья и Маргарита не смеялись над привычкой Лизы и Никиты копаться в оранжерее. Дочь и зять Каменевых выращивали кактусы, они над ними как над новорожденными тряслись. Домработницу Марину никогда после восьми вечера не заставляли ничего делать. Прислуга имеет право на отдых. И ни один член семьи ни разу не выразил удивления или недовольства тем, что Николай оборудовал себе отдельное помещение в особняке. Каменев сделал отдельный вход со двора в свой флигель. У него там были кабинет, библиотека, спальня, гостиная, кухня и

санузел. Когда отец не хотел или не мог общаться с родными, он проводил время в одиночестве. Если же желал совместно ужинать, гулять, разговаривать, то выходил в общую гостиную.

Каменевы жили счастливо, они никогда не ругались, любили и уважали друг друга, проявляли заботу и внимание. Все было хорошо. А потом Николай Петрович умер. Причиной смерти назвали остановку сердца. С какой стати у еще не дряхлого мужчины, который следил за своим здоровьем, не курил, занимался фитнесом, не имел лишнего веса и серьезных заболеваний, перестал работать «мотор»? Ответа так и не нашлось.

Узнав о кончине супруга, Вероника впала в ступор. А дети потребовали вскрытия, подробных анализов, они хотели точно знать: что произошло.

Но ничего подозрительного не обнаружилось. Ни следов яда, ни странных царапин, следов от уколов, синяков. Вообще ничего. Создавалось впечатление, что Николай Петрович утром проснулся, сел на кровати, и все!

– Существует синдром внезапной смерти младенцев, – объяснил эксперт. – Вечером укладывают здорового ребенка спать, а утром находят его в кроватке мертвым. Есть масса теорий, с помощью которых пытаются объяснить, почему это происходит. Но полного понимания так и нет. Я могу лишь констатировать, что у господина Каменева остановилось сердце. Но не могу назвать причину этого.

Прошло некоторое время, и младший сын Макс стал работать во флигеле, где ранее жил отец. Юноше были нужны книги из библиотеки Николая, Максим писал диссертацию. Иногда он засиживался до утра и ложился отдохнуть в спальне покойного. Там его и нашли. Мертвого.

Вероника закрыла лицо ладонями.

– Проклятая пятница, тринадцатое число. Ведьмин день. Николаша умер этого же числа. Правда, месяц другой и день недели. Макс не появился к завтраку, я решила, что он отдыхает, и не забеспокоилась. Но когда он и к обеду не вышел, мне стало тревожно, я решила его позвать. В спальне сына не нашла, сообразила, что он лег у отца. Самой мне трудно войти во флигель Николаши. Прямо сердце переворачивается, до сих пор не могу привыкнуть, что мужа нет.

Поэтому я попросила сбегать туда домработницу. Та ушла. И через пару минут – дикий крик, нечеловеческий!

Вероника зажала ладонями уши.

– До сих пор его слышу! Макса нашли в кровати мертвым.

Каменева опустила руки.

– Понимаете?

Мы все молча кивнули.

Вероника вцепилась пальцами в край стола. Я поняла, что ей нехорошо, встала, открыла шкаф с аптечкой, накапала в рюмку успокаивающую гомеопатическую микстуру и подала Каменевой. Та взяла рюмку и отшатнулась.

– Запах!

– Слишком резкий для вас? – предположила я. – Выпейте залпом, это хорошее средство.

– Так пахло от Макса дня за три до его смерти, – затряслась Каменева, – ну очень похоже. Я спросила его: «Солнышко, ты принимаешь лекарство?» Он ответил: «Нет». Но понимаете, с малышами легко, если они совершат хулиганство, то сразу видно. А взрослые дети не признаются в проступке, говорят: «Все в порядке». Вот и Максим улыбнулся:

– Мама, с чего мне лечиться пилюлями?

Я сказала:

– Таблетки не пахнут. А от тебя чем-то таким несет, как гомеопатия: спирт, травы.

Сын рассмеялся:

– Мать! У меня заболела голова. Я накапал себе твою настойку. Ты же знаешь, у меня бывают мигрени.

Да, это правда, но я ему не поверила. Когда Макс уехал по делам, я не поленилась пойти в его санузел, порылась в шкафу и не нашла ничего из серьезных препаратов. Простых обезболивающих у него было много. Голова у сына в последний год и правда болела. Ну, я и успокоилась.

Вероника поежилась.

– Николаша всегда надо мной посмеивался: «Ника, тебя послушать, все равно что детектив наоборот читать: с последней страницы до первой. Забавно, но ничего не понятно. Излагай события последовательно. Не прыгай в рассказе, как кошка по забору». Но я так и не научилась говорить, как научный сотрудник. Простите.

– Вы излагайте, как вам удобно, – сказал Димон, – мы разберемся. И я, и Иван Никифорович женаты, научились понимать то, что супруги вещают.

По лицу Вероники снова пробежала тень улыбки:

– Спасибо. Мне следовало сразу рассказать, какой у нас дом. Николаша меня в детстве к себе в гости никогда не звал, говорил: «У нас крошечная комната, кухонька размером с тарелку, совмещенный санузел. И потолок на голове лежит, тебе не понравится». Чем его родители занимались, я понятия не имею. Муж о них вообще не рассказывал, думаю, они были алкоголиками, Коля, наверное, их стеснялся. Учился он блестяще, пятерки получал по всем предметам, в итоге золотая медаль и поступление без экзаменов в институт. Один раз, мы тогда были еще школьниками, я ему предложила:

– Давай завтра в кино сходим.

Он ответил:

– Нет по двум причинам. Первая – зарплата у меня только в четверг. Вторая – завтра контрольная по химии, надо повторить материал.

Учтите, нам было по семнадцать, мы учились в выпускном классе. Тогда дети ходили в школу десять лет, а не одиннадцать, как сейчас.

Я обозвала его зубрилой. Потом изумилась:

– Эй! Какая зарплата? Ты что, работаешь?

Николаша пояснил:

– Наша семья небогата. Я уже взрослый, стыдно у матери и отца деньги просить. Хватит того, что они меня кормят, поят, одевают. Тырить у родителей из кошелька купюры, чтобы тебя в кино отвести, я не могу. Да, я работаю. А насчет зубрилы… Для таких, как я, без связей, репетиторов, есть лишь один шанс попасть в вуз: золотая медаль. Если я ее не получу, придется думать о простой профессии: шофер, слесарь, строитель, рабочий. Я уважаю людей, которые таким трудом занимаются, но сам-то хочу стать врачом.

Я стала расспрашивать, чем он занимается. Николаша пояснил, что моет подъезды, разносит почту. К слову сказать, членов семьи Каменевых я никогда не видела, домой к Коле никогда не ходила. И он ко мне отказывался заглядывать. Причина? «Не могу, занят!» Ну вот, опять я в сторону отошла от сути.

Глава четвертая

Вероника взяла салфетку и начала ею обмахиваться.

– Вам жарко? Включить кондиционер? – спросил Димон.

– Я нервничаю, – призналась посетительница. – Когда у мужа в конце концов появились деньги, он решил осуществить свою мечту: основать семейное гнездо, дом, в котором будут жить поколения Каменевых. Я, на тот момент уже мать троих детей, испугалась планов супруга. Строить дачу? Дорого, долго, нервно. У меня была просторная квартира, которая досталась мне от покойной бабушки. Жилье в районе метро «Лермонтовская», ныне «Красные Ворота», в Большом

Козловском переулке. Дом сталинской постройки, потолок четыре метра. До подземки ходьбы минута медленным шагом. Зачем дача? Нам что, жить негде? Мы прекрасно и комфортно устроены.

Вероника отбросила салфетку и застегнула кардиган.

– Николашу мне за всю нашу совместную жизнь ни разу не удалось переубедить. Он всегда знал, что ему надо. Услышав о моем негативном отношении к даче, муж замолчал и долгое время не возвращался к этой теме, а потом вдруг заявил: «Не нервничай, дом в деревне уже куплен».

Я ахнула:

– Где?

И мы поехали в Кокошкино. Я об этом месте ничего не знала, а Коля по дороге с восторгом рассказывал: «Там чудесно. Мы не в самом селе устроились, а на опушке соснового леса. С местными жителями контактировать не станем, нам незачем в деревню ходить. Дача прекрасная, здание капитальное, там можно жить круглогодично». И правда, я увидела дом из кирпича, в нем было несколько комнат, веранда, круглая, уютная. И, что особенно приятно, там работало отопление, в пристройке стоял котел. Соответственно имелись горячая и холодная вода, газ, санузел. По тем годам это были сказочные условия. Въезжать мы могли прямо сразу. В помещениях стояла мебель, на кухне – имелась посуда, на потолках люстры. Все-все совершенно новое, видно, что не использовалось. Даже постельное белье и полотенца нашлись, такие, как мне хотелось.

Я изумилась до предела:

– Коля, почему прежние хозяева все бросили? Похоже, они сделали ремонт, купили вещи и уехали? Мебель в кабинете красивая, дубовые шкафы под старину.

Муж развел руками:

– Человек, который мне дачу продавал, ничего не объяснил, только предложил: «Забирайте дом с „начинкой“. Если вам такая мебель не нравится, то сами вывозите содержимое. Особняк продается со всем имуществом». Лично меня устраивала обстановка, она прекрасно смотрелась, кровати и люстры красивые. Денег хватило, чтобы приобрести дачу. На что-то другое я пока не заработал. А здесь все только что из магазина, смотри, матрасы в полиэтиленовой упаковке, постельное белье в пакетах.

Муж открыл буфет.

– Сервиз немецкой работы, новый. Столовое серебро в бархатной коробке. В коридорах на стеллажах замечательные книги, не читаны никем, часть страниц не разрезана. Ну, какое нам дело, почему прежние хозяева дом приобрели, а жить не стали?

Мы сделали уборку, переехали на дачу и обосновались там на постоянное жительство. Когда обустроились, Николаша собрал всех детей и объявил:

– Вы еще не встали на ноги, но уже взрослые. Я готов содержать семью даже тогда, когда вы обзаведетесь женами-мужьями, детьми, но при условии: мы всегда живем вместе. У нас клан.

Никто из ребят спорить не стал, и мы прекрасно сосуществовали, пока один раз Илюша не завел разговор:

– Папа, извини, конечно, но в доме тесно. Если я по вечерам слушаю музыку, то мама не спит, я Максу мешаю. А когда Лиза петь начинает, вообще жуть.

– Понимаю, – улыбнулся отец, – поэтому я как раз собрался устроить новый ремонт. Достроюк дому комнаты, санузлы.

Вероника кашлянула.

– Земельный участок в гектар открывает широкие возможности для переделки жилья. Николаша в короткий срок осуществил задуманное, сделал необыкновенный дом. К особняку пристроили гостиную, столовую, кухню, спальни, санузлы, подсобные помещения. Мы жили вроде вместе, но врозь. Если

кто хочет, он сидит в общей гостиной, столовой. Если нет, то есть комфортные свои помещения. Но я знала, что Илья и Макс, и Лиза, получив прекрасные спальни, хотели жить во флигеле отца. Старый дом Коля переделал под свою половину, в него был отдельный вход из сада. Получился как будто отдельный дом в доме. После кончины отца Макс стал работать в его флигеле. Наши дети прекрасно воспитаны, младший сын нашел подходящее объяснение, почему он оккупировал вотчину покойного отца: библиотека! Он пишет диссертацию, ему постоянно нужна научная литература. Илюша сейчас говорит, что они с Ритой тоже хотели перебраться во флигель, но Макс их опередил. И Лиза мечтала, что флигель отдадут ей. У дочки свое объяснение: она поет, разучивает арии, на половине отца прекрасная звукоизоляция.

Ника обхватила себя руками и затряслась:

– Мне страшно. Муж умер, потом сын. Правда, причина смерти у них разная.

– А именно? – тут же поинтересовался Коробков.

– У Николаши остановилось сердце. А Макс, оказывается, страдал аневризмой головного мозга. Никто о ней не знал, – грустно поведала вдова.

– Вашему сыну никогда не делали томограмму головы? – уточнила я.

– Зачем? – спросила Вероника. – У него не было проблем со здоровьем.

Я не стала произносить вслух то, о чем думала.

Не было проблем со здоровьем? И он умер от разрыва дефектного сосуда. Есть масса недугов, которые начинают вас беспокоить, когда вылечить их уже невозможно. Большинство инфарктов, инсультов можно избежать, если раз в году ходить на обследование к кардиологу. И онкология лечится на начальных стадиях, просто не надо запускать болезнь. Порой я слышу, как люди говорят: «Да в нашей поликлинике талончик не выпросишь». Возможно. Но это ваше здоровье и только вам о нем заботиться. Лучше накопить за год определенную сумму, чтобы отправиться на все исследования платно, чем потом долго и тяжело лечиться. Отложите какую-то покупку, но непременно пройдите диспансеризацию. Что? Давно мечтали о новой шубе, поэтому отправитесь за ней? Сдача анализов подождет? Ну и кто будет носить манто, если вас

настигнет инсульт, а? Что важнее? Здоровье? Или пальто из меха невинно убиенного кролика, который нагло прикинулся норкой? Что вы выберете?

Вероника тем временем продолжала:

– Но я уверена, что их убили!

– Кто, по-вашему, лишил жизни членов семьи? – осторожно уточнил Иван Никифорович.

– Айпетри! – воскликнула посетительница. – Он расправился с Николаем и Максом.

– Кто он такой? – спросил Димон.

– Безжалостный убийца, – выпалила госпожа Каменева, – невидимый!

– А-а-а, – протянул Коробков. – Из вашего дома что-то пропало? Деньги, драгоценности, произведения искусства?

– Все на месте, – заверила Каменева, – Николаша хранил самые ценные вещи в ячейке в банке. Наличных мы держали при себе мало, основные средства лежали на вкладе. Картины в доме есть, но они представляют интерес только для семьи, это наши портреты. Есть старые книги, именно старые, тысяча восемьсот каких-то годов. За них много не выручишь.

– И зачем тогда этому Айпете к вам залезать? – недоумевал Коробков. – Профессиональные грабители всегда изучают, чем владеет предполагаемая жертва. Вы вне зоны их интереса. Ваш дом сколько этажей имеет?

– Один, – ответила Вероника, – он растянут по участку. Николаша не хотел строить второй этаж с лестницей, говорил: ступеньки всегда скрипеть будут.

– Бомжи или гастарбайтеры работают стандартно, – продолжал Димон. – Выбирают дом, где на нижнем уровне темно, отжимают окно, берут то, что видят, и уносят ноги. Хозяева, которые спят на втором этаже, как правило, не слышат, что к ним «гости» заявились.

– Наши стеклопакеты нельзя открыть снаружи, – возразила клиентка. – Входные двери стальные, когда мы уходим спать, то в общих помещениях включается сигнализация.

Димон улыбнулся:

– Маловероятно, что Айпетя к вам сунется.

– Айпетри, – поправила Вероника, – он вездесущ! Вор жизненной энергии! Материальные ценности ему не нужны.

Я постаралась не измениться в лице, а Каменева продолжала:

– Он может легко просочиться сквозь стены. Сядет над кроватью, внедрится в человека, выпьет все его силы, сам поздоровеет и улетит. А тот, кого он обокрал, умирает. Мало кто выживает после подселения к нему Айпетри.

Иван Никифорович открыл ящик стола и начал в нем рыться.

– Очень интересно. Кто вам рассказал про энергетического вампира?

– Люся-гадалка, она владеет картами Таро, камнями Фуке и разными техниками, – призналась Вероника. – От нее я и узнала правду о смерти мужа, а потом сына.

Глава пятая

– Может, у нее крыша съехала? – вздохнул Иван Никифорович. – Когда я слышу про энергетические сущности, сразу тянет вызвать психиатра.

– Как госпожа Каменева к нам попала? – спросила я.

– Михаил Болотин прислал, – объяснил муж, взял телефон и через минуту начал разговор: – Это я. Вопрос по Веронике Каменевой. Она нормальна?

Иван включил громкую связь, поэтому мы с Димоном прекрасно услышали голос Миши:

– Ника всю жизнь провела за спиной авторитарного супруга. Коля был господин! Он всех обеспечивал, был совсем не жадный. Но детям не разрешал бездельничать. Несмотря на прекрасное материальное положение, они все работали с четырнадцати лет. Коля их куда-то пристраивал. Понимаешь?

– Да, – ответил Иван Никифорович, – ребята трудились, папа им службу находил.

– Во-во, – подтвердил Болотин, – жили они вместе. Зависели от Николая Петровича и материально, и морально. Он все решал. Глава клана. Патриарх. Роли эти Каменев исполнял с упоением. Вероника певица, чтобы она не считала себя только домашней хозяйкой, муж несколько раз в году снимал зал и устраивал ей концерты. Нанимал оркестр, раздавал билеты. Круг общения у него был огромный, Каменев был прекрасный специалист, клиники у него отменные. Он знал тьму людей. Поэтому на выступления Ники приходило много народа. Все было по-взрослому. Афиши в городе. Зал. Музыканты. Дирижер. Вероника в красивом платье. В ложе семья. После концерта – гора букетов, корзин с цветами, банкет. Интервью журналистам, потом несколько публикаций. Вероника не сумасшедшая. Она тихая, скромная, не умеет спорить, отстаивать свое мнение. «Как хочешь, дорогой» – вот ее жизненная позиция. И у детей схожая: «Как папа решит». Николай считал Нику отличной женой, но он к бабам так относился…

Миша замолчал.

– Как? – осведомилась я.

– Привет, Танюш, – обрадовался Болотин. – Коля полагал, что слабый пол, он слабый и в физическом, и в умственном плане. Всякий раз, когда мы набирали очередной курс, он просил: «Миша, давай побольше мальчиков. Девочки – зря потраченное время, замуж выйдут, детей родят, встанут у плиты. Ориентируйся на парней». С Каменевым работать вообще-то было нелегко. Очень уж он был придирчивым. Требовал идеального исполнения всех своих указаний. Заявлял:

«Слушайте меня, я тут самый умный». Это говорилось всерьез, а не в шутку. Николай себя на самом деле таковым считал. Его не особенно любили, побаивались, но уважали. Как психотерапевт он был гениальным, насквозь человека видел. Как специалист по лжи – потрясающим, соврать ему было невозможно, он ловил самое легкое изменение лица и потом четко объяснял, слукавил человек или нет. Пару раз я присутствовал на его мастер-классах. Сильное впечатление. Он предлагал слушателям: «Укажите на кого-нибудь». Потом сажал того, на кого пал выбор, спрашивал: «Вы готовы к тому, что я сейчас вытащу из вас прилюдно всю правду?» Если объект соглашался, Николай Петрович задавал первый, контрольный, вроде забавный вопрос:

– Вы женщина или мужчина?

Ответ, казалось, лежал на поверхности. Но я один раз стал свидетелем такой беседы. Напротив Каменева сидела девушка, она ожидаемо засмеялась:

– Женщина.

Николай Петрович спокойно возразил:

– Нет.

Собеседница растерялась:

– Как это нет? Вы меня не видите?

– Вижу, – ответил психолог, – внешне вы вполне красивая девочка, но ваша реакция на вопрос говорит об ином. Еду дальше. Вы лесбиянка по мужскому типу?

– Нет, – возмутилась блондинка.

– Это правда, – заявил Каменев. – Остается тогда одно. Вы прошли через операцию по смене пола!

– Глупости, – вспылила красавица, – чушь.

– Правда, – согласился профессор, – и это странно, потому что ваш ответ на вопрос «Вы мужчина или женщина?» стопроцентная ложь. В чем тут дело? Вы гермафродит! С преобладанием мужских признаков, но по некоторым причинам вам нравится быть представительницей слабого пола.

Миша рассмеялся:

– Он ее ошарашил. И оказался прав. Гениальность Коли признавали все. Как педагог он всегда проявлял жестокость, выгонял лентяев и дураков сразу. Никаких пересдач. Получил «два» на экзамене? Отчисляет мигом. Ни с кем не церемонился. Любил деньги. И умел их зарабатывать.

– С таким человеком трудно жить, – вздохнула я.

– А ты привираешь Ване? – обрадовался Миша.

– Конечно, – честно ответила я, – съем перед возвращением домой пару пирожных и скажу, что даже не смотрела на сладкое.

– Один раз в минуту неожиданной откровенности Коля сказал: «Мне в детстве не хватало взрослого человека, который мог дать мне дельный совет, уберечь от глупостей, подсказать путь, по которому надо идти. Тяжело одному на жизненной дороге. Для своих детей, жены я такого опыта не хочу. Я их поддержка, руководитель. Я глава клана!»

– Жесткий человек, – решил Димон.

– С одной стороны, да, – согласился Болотин, – но с другой – он был пушистый и белый. Взял на воспитание Марту. Она ему понравилась своей смелостью. Маленькая совсем, а храбро выступила против директора интерната. Старшие воспитанники сидели молча, изображали счастье, крошка же ринулась в бой. Коля ее увез просто так, безо всякого разрешения со стороны органов опеки. Усадил в свою машину и по газам. А когда на него наехали чиновники, которым вменялось в обязанность следить за тем, чтобы сиротам жилось хорошо, он мигом их носами в безобразия, которые творились в приюте, ткнул, пообещал судебное разбирательство. И гаденыши бежали, как шведы под Полтавой. Возвращаюсь к твоему вопросу, Ника и дети сейчас растеряны, они не могут сами никакие решения принимать. Николай Петрович совершил одну роковую

ошибку: он считал себя вечным и вдруг умер. Клан остался беспризорным, наследника, способного взять скипетр и державу, нет. На мой взгляд, ничего криминального в кончине Николая и Макса нет. Трагическое совпадение. Мне жаль Нику, Илью, Риту, Лизу, Никиту. Они как кутята беспомощные. Вот Марта выживет. Как ни странно, не родная по крови дочь очень похожа на Николая Петровича, она умеет принимать решения. Вот вам пример. День рождения Каменева каждый год проходил стандартно. Имениннику жена пекла торт. Если бы не разное количество свечей, можно было подумать, что он гипсовый, его хранят в кладовке для такого случая. Илья преподносил отцу дорогую авторучку, ну и так далее. Подарки не менялись. Дети и жена знали, что нравится Николаю, и боялись рисковать, вдруг не угодят. А вот Марта – та была за креатив. Один раз пригласила клоунов, которые в восемь утра влетели к отцу в спальню и запели: «Хэппи бездей». Совместный поход в аквапарк, где Николая облили чернилами, они исчезли минут через пять. Вертолет, который кружил над домом с транспарантом: «Папочка стал на год моложе». Не помню, в каком году он получил поздравление, правда, на английском от звезды Голливуда: «Николя! Живи много лет!» – кричал артист. Все прямо ахнули.

Марта нашла сайт, там предлагалось выбрать кумира, заплатить некую сумму и в определенный день получишь видео с его поздравительной речью. Марта – огонь! Не знаю, что она в последний день рождения для отца придумала, но явно не успела подарить. Он утром рано умер.

Я пожалела Каменева:

– Обидно скончаться в день своего появления на свет.

– Тому, кто на том свете, все уже по барабану, – хмыкнул Болотин. – Думаю, Марта в конце концов водрузит на свою голову корону, а остальные члены семьи ей подчинятся. Но сейчас она слишком молода. Иван Никифорович, помоги Нике.

– Чем? – спросил мой муж. – Если нет преступления, то мы ей не нужны.

– Докажи, что никто не замышлял дурное против ее семьи, – попросил Миша. – Я люблю Веронику. Она меня здорово поддержала один раз в трудной ситуации. И всегда хорошо ко мне относилась. Кормила, поила, хвалила, деньги бедному студенту в карман совала. Я оплачу все ваши расходы и труды.

– Хорошо, – согласился Иван. – Даже интересно, до сих пор никто не просил меня доказать, что ничего дурного не случалось. Мы попробуем. Каменева когда-либо обращалась к психиатру?

– Вероника Олеговна странно себя вела? Чем вызван твой вопрос об ее адекватности? – спросил Болотин.

– Она сообщила о подруге Люсе, которая гадает на картах, – объяснила я, – та ей рассказала про Айпатрика… как-то так он называется. Энергетический вампир…

– Удальцова, – перебил меня Михаил, – на всю голову ку-ку. Единственная приятельница, с которой Николай разрешал жене дружить. Не знаю, чем она Каменеву понравилась. Шарлатанка! Несла полную чушь. Слышал я про этого Айпатрона или Айпатрика. Один раз баба о нем в моем присутствии вещала. Это существо никто не видит, оно пожирает энергию человека. Не хотел вам говорить, чтобы вы не подумали, что Ника ненормальная. Но раз уже вы знаете… Вдова уверена, что Айпатрон убил и Николая Петровича, и Максима. Отец и сын умерли во флигеле. Сейчас в него хотят переселиться Илья с Ритой.

Поэтому Вероника в панике. Она Люсе безоговорочно верит. Поймайте этого Айметрика, Айпатрика!

– Ты всерьез? – удивилась я.

Михаил забил фонтаном креатива:

– Да! Нарядите кого-нибудь, как привидение, сделайте фото, как его в машину ведете, и покажите Нике. Она увидит, что привидение схвачено, и успокоится.

Иван Никифорович остановил собеседника:

– Мы этим не занимаемся. Если нужно театральное представление, то обращайся к другим профессионалам.

– Иван Никифорович, ну, пожалуйста, – заныл Миша. – Вероника цветок, который жил в дорогой оранжерее под присмотром мегасадовника, а теперь его выдрали, посадили на деревенском огороде в навоз, и он, бедный, реально не

знает, что делать. Потерять любимого мужа, а вскоре и сына это непросто даже для железной леди.

– Уже сказал тебе, что согласен, – напомнил Иван. – Попробуем доказать, что преступления не было.

Глава шестая

Войдя на кухню, я увидела на рабочей поверхности «острова» целую армию пузырьков, флаконов и бутылочек и удивилась:

– Что это?

– Аптечка Мози, Роки и Альберта Кузьмича, – отрапортовала Рина. – Хорошо, что вы приехали, нам с Надюшей вдвоем не справиться.

– Поесть нам дадут? – робко осведомился Иван.

– Сейчас быстренько сделаем все процедуры и поужинаем, – пообещала Ирина Леонидовна. – Итак! Я составила план лечения для каждого!

Рина схватила три тетради со стола и начала ими размахивать.

– Мози. Уши, нос, хвост, свечки в попу, подмышки.

– Они у собак есть? – удивился мой муж.

– Ты задал вопрос про уши, нос, хвост, попу или подмышки? Уточни, – попросила мать.

– Про последние, – ответил Иван.

– Конечно, есть, – отмахнулась свекровь, – лапы у них есть?

Сын кивнул.

– Значит, и подмышки в наличии, – продолжала Рина.

– Подмышки у людей, – возразил Иван Никифорович, – а у Мози – подлапники.

Надежда Васильевна округлила глаза:

– Почему?

– Части тела должны называться логично, – пояснил мой муж. – У нас руки, поэтому подмышки. У собак лапы – следовательно, подлапники.

Рина оперлась руками о стол.

– И где логика? У нас руки? Значит – подручники! А подмышки, если относиться серьезно к твоим словам, бывают исключительно у мышей.

– У кенгуру тогда подкенгурятники, – элегически протянула Бровкина, – у слонов – подслоновники.

– Чушь! – воскликнула моя свекровь. – У животных – лапы. У всех – подлапники.

– Нет-нет, – заспорила домработница, – у слонов, лошадей, зебр – ноги. Соответственно – подслоновники, о которых я уже говорила, и подлошадники, подзебрятники.

– У медведей – подмедведятники, у жирафов – поджирафятники, – подхватила Рина, – невыговариваемые слова, полный идиотизм.

Я попыталась урезонить спорщиков:

– Давайте займемся делом.

– Отличная идея, – одобрил Иван, – быстренько всех вылечим и поужинаем.

– Итак, начнем с Мози, – скомандовала Рина, – уши. Обрабатываем их двухпроцентным хлоргексидином. Где он?

Свекровь схватила бутылочку.

– Вот!

– Мама, на ней написано – один процент, – заметил Иван и взял другую емкость, – а на этой: ноль, ноль, пять!

– Два у меня! – заявила Надежда. – Я держу флакон.

– Что там дальше, – прищурилась Ирина Леонидовна. – Смачиваем ватный диск, протираем уши. После обработки капаем антибаракамедином, не даем трясти головой пару минут и отпускаем. Потом хвост! Его…

– Лучше задания выполнять по очереди, – посоветовала я.

– Я просто объясняю фронт работ, – затараторила Рина. – Хвост обеззараживается однопроцентным раствором, под ним протирается ноль, ноль, пять и в попу вставляется половина ихтиоловой свечки.

– Мози испытает восторг, – крякнул Иван Никифорович.

– После хвоста промывают нос однопроцентным хлоргексидином, подмышки двухпроцентным. Понятно?

Мы с Иваном молча кивнули.

Рина начала раздавать указания:

– Ваня, ты протираешь правое ухо, Надя левое. Таня стоит наготове с антибак… кар… выговорить не могу название, вот она, бутылочка. Я держу Мозеса. Начинаем по команде. Раз! Ваня и Надя трете уши! Два! Таня мажет, потом Ваня и Надя их зажимают. Ясно?

– Чем? – осведомился Иван. – Чем я должен ухо зажимать?

– Руками! – воскликнула Рина. – Чем же еще?

– Я думал, вдруг ты купила какой-то фиксатор, – смутился мой муж, – ну… вроде прищепки.

Ирина Леонидовна хихикнула:

– Нет. Всем понятна задача?

– Да, – хором ответила группа «ветеринаров».

– Начинаем? – осведомилась Рина.

Мы снова в едином порыве подтвердили свою готовность приступить к исполнению обязанностей Айболитов.

Ирина Леонидовна присела и зажала Мози в объятиях.

– Внимание! Раз! Ой, нет! Надо сначала смочить хлоргексидином вату. Ваня! Возьми плюшки!

Иван Никифорович пошел к хлебнице и открыл ее.

– Мама, тут только батон.

Ирина Леонидовна обернулась:

– Батон? Зачем он нам сейчас?

– Вообще ни к чему, – согласился сын.

– Ваня, – спросила моя свекровь, – с какой целью ты стоишь у хлебницы?

– Ты попросила взять плюшки, – пояснил начальник всех спецбригад.

Бровкина хихикнула:

– Ирина Леонидовна так называет ватные диски – плюшки.

– Я не знал, – удивился мой супруг, возвращаясь к нам, – вообще-то они совершенно на булки не похожи.

– Возьми хлоргексидин, вылей его на диски. Потом дай один Наде, второй оставь себе, – скомандовала Ирина Леонидовна.

Иван постоял мгновение молча, потом положил ватные диски в блюдце и выплеснул на них все содержимое флакона.

– Господи, Ваня, что ты делаешь? – изумилась хозяйка дома.

– Выполняю твое указание, – ответил сын.

– Их надо было просто смочить, – вздохнула Рина, – чтобы протереть уши Мозеса.

– Ты сказала: «Возьми хлоргексидин и вылей его на диски», – напомнил Иван, – я в точности выполнил твой приказ: вылил.

Я не справилась с собой и расхохоталась.

– Вылить, налить, накапать – да какая разница! – засверкала глазами Ирина Леонидовна. – Ладно, теперь отожми их, и начнем.

– Отжать что? – осведомился Иван Никифорович.

Из глаз Рины посыпались молнии:

– Плюшки!

– Диски? – уточнил Иван. – Готово.

– Отлично, – обрадовалась Рина, – начали! Раз!

Домработница схватила влажный кусок ваты и живо протерла левое ухо Мозеса. Иван кряхтя присел и стал старательно обрабатывать ватным диском… нос бульдожки. Мозес изо всех сил вырывался из рук хозяйки.

– Ухо, Ваня, ухо, – нервничала Рина.

– Знаю, – спокойно ответил сын, – обрабатываю!

– Нос! – возмутилась его мать. – Ты его трешь!

Иван Никифорович посмотрел на бульдога.

– А и правда. У Мозеса все на морде рядом.

– Таня! – воскликнула Рина. – Мажь быстро, не тормози. Я еле держу Мозеса.

– Собака не должна быть толще хозяйки, – менторски заявила Бровкина. – Владелица, которая может на себя легко надеть комбинезон своего пса, никогда не станет авторитетом для бульдожки.

Пока Надежда вещала, я схватила с кухонного стола бутылочку, налила из нее лекарство сначала на правое, потом на левое ухо Мози и затем зажала их ладонями.

– Вообще-то «зажим» наша с Надей задача, – заметил мой муж.

– Я находилась в удобном положении, – принялась оправдываться я. – Пока вы встанете, пока его схватите, Мози все капли вытряхнет. Однако они приятно пахнут. Чем-то знакомым!

Мози вывернулся из рук Рины и отбежал в сторону. Роки кинулся к брату и стал вылизывать ему ухо.

– Немедленно отойди, – рассердилась Надежда.

Ирина Леонидовна ринулась к собакам, схватила Роки, подняла его и скомандовала:

– Ваня, немедленно запрети Роки зализывать уши.

– Чьи? – уточнил сын.

– Свои! – сверкнула глазами мать.

Глава седьмая

Иван с интересом посмотрел на французского бульдога.

– Хочется посмотреть, как Роки будет возить языком по своим ушным раковинам. Если ему это удастся, собаку с данным трюком надо демонстрировать в цирке за большие деньги.

Ирина Леонидовна вдохнула.

Моя свекровь почти никогда не теряет своего терпения и хорошо относится ко всем окружающим ее людям. Она очень редко сердится, а в состоянии злобы я ее за годы брака ни разу не видела. Рина всегда оправдывает тех, кто поступил в отношении ее некрасиво. Толкнул ее в магазине нетрезвый мужик и обматерил в придачу? Жаль беднягу, у него какая-то беда случилась, вот он и залил ее алкоголем. На улице встретилась вредная бабка, которая нарочно проехала по ногам Ирины Леонидовны, обутым в светлые замшевые лодочки, грязными колесами своей сумки, да еще и возмутилась:

– Ходють тут всякие. Понаехали со всех краев, нам, москвичам, жить не дают. Ишь! Вырядилась! Поживи, как я, на пенсию, тогда новые туфли не купишь, гордиться не станешь.

Услышит Ирина сей спич и ответит:

– Ой, простите, помешала вам идти с тяжелой сумкой. Давайте помогу ее дотащить, вам куда надо?

Терпению моей свекрови позавидуют многие китайцы, а ее дружелюбию все плюшевые зайки. Но иногда даже у Ирины Леонидовны выдается плохой день. И по тому, как изменился взгляд матери Ивана, я поняла: она сейчас изо всех сил борется с собой, чтобы не схватить веник и не отлупить им Ваню, который во время лечения бульдожки проявил крайнюю нерасторопность.

Я подошла к Рине и забрала у нее собаку. Если вы думаете, что Иван решил поиздеваться над матерью, ведя себя наиглупейшим образом, то ошибаетесь. Сын любит и уважает маму. Просто мы работаем в такой структуре, где каждое слово имеет значение, а приказы начальства должны исполняться добуквенно. Велено вылить содержимое флакона? И его выльют. Произнесут: «Намочите диски», – и на вату накапают небольшое количество жидкости. Приказы не обсуждают, их исполняют, даже если они кажутся глупыми. Спорить, высказывать свое мнение можно и нужно на совещании. А уж когда принято решение и приказано его выполнять, то изволь подчиниться. И согласитесь, глаголы вылить и смочить вовсе не синонимы.

– Почему даже самые умные, состоявшиеся мужчины, придя с работы, превращаются в существ, не способных ничего сделать? – осведомилась Рина. – Никифор открывал холодильник, вытаскивал батон колбасы… Я его останавливала: «Милый! Лучше поешь по-человечески. Суп, второе, чай с пирогом». Супруг оборачивался, на его лице появлялась улыбка: «Дорогая, у нас есть суп? Где он?» Можно подумать, что я годами не готовила еду, а потом вдруг один раз в жизни отварила курицу, поэтому Никифор сейчас изумлен до крайности! И в каком месте может находиться кастрюля? В холодильнике, конечно! По какой причине супруг никогда не видел трехлитровый горшок ярко-красного цвета на полке? Мне неведомо. Но упомянутая сцена с колбасой повторялась каждый вечер. Один раз у меня выдался трудный день, я устала, потеряла самообладание и на очередное: «Где суп?» – ответила: «В прихожей, в подставке для ботинок». Никифор заулыбался, отправился в холл, открыл шкаф…

– Ну, я бы так не поступил, – вздохнул Иван, – папа должен был попросить: «Подогрей мне супчик», а не выяснять, где он находится.

С этими словами муж подошел ко мне и начал гладить Мози по голове, потом втянул в себя воздух.

– Пахнет чем-то таким… хорошо знакомым. Таня, ты ладони лекарством измазала. Между пальцами коричневые пятна.

– Лекарство вытекло, – вздохнула я и поставила бульдожку на пол. – Думаю, это не страшно, я щедро намазала уши собаки и…

Рина приблизилась к нам, наклонилась над Мозесом, потом провела ладонью по его ушам и лизнула лекарство, которое попало ей на пальцы.

– Что ты делаешь? – испугалась я. – Препарат не для внутреннего употребления. На нем написано большими буквами: «Наружное».

Ирина Леонидовна быстрым шагом подошла к «острову» и схватила пузырек, из которого я накапала Мози в уши.

– Ага. Танюш! Ты считаешь, что сей препарат нельзя пить?

– Конечно, нет! – воскликнула я.

– Но здесь нигде нет ни слова о том, что им надо обмазываться, – продолжала свекровь.

Потом она посмотрела на строй флаконов и бутылочек, взяла крайний пузырек и прочитала:

– «Средство для ушей. Наружное. Не употреблять внутрь». Танюша, ты перепутала, взяла вовсе не капли для Мози.

Я похолодела:

– Ужас! Чем же я намазала бульдожку?

– Шоколадным соусом для мороженого, – заявила Рина и расхохоталась.

– Так вот почему Роки проявил беспредельную любовь к брату и принялся его вылизывать, – осенило Бровкину.

Рина схватила бульдожку.

– Дорогой, мы сейчас опять протрем тебе уши. Какой хлоргексидин брать?

– Один процент, – уверенно ответил Иван Никифорович.

– Ноль, ноль, пять, – почти одновременно с ним произнесла Надежда.

– Два, – возразила я.

Рина схватила инструкцию.

– Таня права! Ваня, повторяем! Танюша, смотри не перепутай бутылочки.

– Честное слово, я не виновата, – начала я оправдываться. – Странно, что кому-то в голову пришло выпустить соус в белой пластиковой таре. Обычно все, что связано со сладким, наливают в разноцветную упаковку.

– На самом деле ты ни при чем, – тут же принялась защищать меня Ирина Леонидовна. – На бутылке нет ни слова, только на ее дне приклеена бумажка розово-коричневого цвета, на ней и сообщается про соус к мороженому. Просто странно. Небось не только ты решила, что в таре лекарство. Виноваты те, кто разливает жидкий шоколад в такие упаковки.

– Ну… на подливке для пломбира была яркая бумажка, – забубнила Надежда, – розово-коричнево-зеленая с рисунком: вазочка, а в ней разноцветные шарики, но я ее отодрала.

Мы с Риной одновременно задали вопрос:

– Зачем?

– Эта обертка резала глаза, оскорбляла мое чувство прекрасного, – поморщилась Бровкина, – вот я и избавилась от нее.

– Хватит болтать о ерунде, – спохватилась свекровь, которая стояла за «островом» напротив меня. – Танюша, обрати внимание, я ставлю капли слева от подставки с ножами.

– Слева от подставки с ножами, – повторила я, – отлично.

– Начали, – засуетилась Рина, – Ваня, диски! Намочи! Три уши! Только не свои, а Мозины.

– Спасибо за уточнение, – прокряхтел муж, наклоняясь над собакой, – но я уж не такой идиот, чтобы протирать свои уши.

Иван выпрямился.

– Таня! Вперед, – скомандовала Ирина Леонидовна, – сосредоточься. Слева от подставки для ножей! Слева!

Я повернулась к «острову», увидела черную коробку, из которой торчали ручки резаков. Она находилась между двумя почти идентичными белыми бутылочками.

– Слева от подставки? – на всякий случай уточнила я.

– Да, верно, – зашипела Рина, – ускорься! Мози вырывается.

– Пару секунд, и в его ушах будет лекарство! – обнадежила я мать Ивана.

Потом схватила бутылочку и села около бульдожки. Мози оживился и начал облизываться.

– Ну, нет, дорогой, – пробормотала я, нажимая на мягкие стенки упаковки, – второй раз тебе не повезет. Никакого шоколада в ушах не окажется.

– Танюша, ты опять льешь на собаку соус для мороженого! – воскликнул Иван.

Я ахнула. А и правда! Из носика капает темно-коричневая жидкость.

Рина вскочила, Мози стал слизывать лужицу, которая образовалась на полу.

Я начала оправдываться:

– Я взяла бутылочку, которая стояла слева.

– Нет, вот она, – ухмыльнулась Рина. – Танюша, ты путаешь право и лево.

– Никогда, – возразила я, подходя к «острову» и вставая напротив Ирины Леонидовны, – вот подставка для ножей, справа бутылочка, слева пусто.

– Нет, – возразила в ответ свекровь, – слева лекарство, справа пусто.

Мне стало смешно.

– Рина, это ты не разобралась, где право, где лево.

Иван кашлянул.

– Дорогие мои, вы обе правы.

– Это невозможно, – хором ответили мы со свекровью.

– Вы стоите друг напротив друга… – начал объяснять Иван.

– И что? – спросила я.

– В самом деле: и что? – повторила Ирина Леонидовна.

– Поменяйтесь местами, – попросил мой муж.

– На мой взгляд, это странное предложение, но если тебе хочется, то мне нетрудно, – согласилась Рина.

– Пожалуйста, – кивнула я, и мы с Ириной Леонидовной поменялись местами.

– Ну, и где теперь пусто? – осведомился Иван.

– Слева, – ошарашенно произнесла его мать.

– Справа, – удивилась я.

– Как так получилось? – изумилась Рина.

– Это фокус, – протянула я.

– А-а-а, – осенило Бровкину, – то, где Тане слева, для Ирины Леонидовны справа. Они же напротив друг друга стоят.

– Вы обе правы, – повторил Иван Никифорович. – В споре так часто получается, просто надо взглянуть на ситуацию с точки зрения того, кто с тобой не согласен, и сообразить, в чем загвоздка.

– Попытка номер три! – провозгласила Ирина Леонидовна. – Ваня, протирай уши. Таня, капай лекарство. Бутылочки ставлю слева от подставки с ножами. Не справа. Слева. Теперь точно не перепутаем, мы стоим рядом.

– Разрешите внести предложение, которое резко упростит ситуацию? – попросил Иван Никифорович.

– Конечно, милый, – кивнула Рина.

– Уберите шоколадный соус куда-нибудь подальше, и тогда Танюша не ошибется, – посоветовал руководитель особых бригад.

– Гениально! – подпрыгнула Бровкина.

– Потрясающе, – похвалила я мужа.

– Ваня, ты мозг, – заявила свекровь, – унеси соус.

Иван взял бутылочку и под наши аплодисменты переместил ее на подоконник.

– Начали! – воскликнула Рина. – Ванюша протирает, Танюша капает, мы с Надей зажимаем уши. Раз, два, три!

Иван в одну секунду обработал уши Мози, я стала капать.

– Шоколад! – завопила Рина.

– Он на окне, – напомнила я.

– Нет, у нас опять у Мози уши в шоколаде! – возмутилась свекровь. – Он на пол льется!

Роки взвизгнул и ринулся вылизывать пол. Мози вырвался из рук хозяйки и стал усердно помогать брату. В какой-то момент Мозес затряс ушами, коричневые брызги полетели во все стороны, очумевшие от радости бульдожки стали метаться по кухне.

– Как? Как? Как это получилось? – изумилась Надя. – Как? Бутылочку же отнесли на подоконник!

– Ваня перепутал пузырьки, – нашла подходящий ответ Ирина Леонидовна, – схватил лекарство, а соус оставил. Попытка номер четыре! А еще Мози надо свечку в попу засунуть.

– Лучше начать лечить собак завтра, – вздохнула я, – сегодня нам не везет. Определенно это не наш день.

Глава восьмая

Утром, когда я умывалась, позвонил Коробков.

– Я не разбудил тебя?

– Отличный вопрос, – пробормотала я, – нет. Я уже встала. Иван Никифорович уехал в аэропорт.

– Ну, он ненадолго умотал, – не стал печалиться Димон. – Значитца, мы с тобой работаем, плюс новенькие сегодня придут.

– Надеюсь, это в последний раз, – вздохнула я, – надоело обучать людей, стараться, а потом, опля, и их у меня забирают. И уже прекрасно подготовленных передают в другое подразделение.

– Тань, ты воспитатель детского сада, смирись, – посоветовал Коробков.

– Маловероятно, что это получится, – отрезала я. – Когда сегодня ясельная группа появится?

– В полдень, – ответил Димон, – я подумал, что нам с тобой лучше вдвоем кое-что обмозговать.

– Через полчаса на месте, – пообещала я и ринулась в гардеробную.

Собираться пришлось в спешке, но слово свое я сдержала, ворвалась в кабинет Димона в тот момент, когда часы показывали ровно девять.

– Тебе позавидует ракета, которая в точно заданное время должна выйти на орбиту, – восхитился Коробков.

Я перевела дыхание.

– Ей не надо одеваться и причесываться.

– Ты выглядишь прекрасно, только… – начал приятель.

Я села.

– Давай не обсуждать мой внешний вид, я натянула, что под руку попалось. Лучше приступим к делу.

– Николай Петрович Каменев, – начал Дима. – Мальчика усыновили в четырнадцать лет Петр Андреевич Каменев и Инесса Леопольдовна Штих. Они супруги, просто жена не сменила фамилию.

– То есть Коля стал Каменевым по приемному отцу? – уточнила я.

– Верно, – согласился Димон, – родного отца его звали Игорь Рудольфович Шмаков, мать Кирой Николаевной Воробьевой.

Коробок взял маленькую бутылочку, побрызгал из нее на клавиатуру, потом осторожно стал протирать ее тряпочкой.

– Говори уже, – велела я, прекрасно зная, что у лучшего друга приступ аккуратности случается только тогда, когда он наткнулся на нечто удивительное.

– Игорь Рудольфович был расстрелян по приговору суда… – начал Димон.

– Интересный поворот, – сказала я. – Торговля валютой?

– Серийный убийца, – возразил Коробков, – сексуальный маньяк. Последней его жертвой оказалась сотрудница КГБ, машинистка без допуска к важным делам, технический работник. Когда Елена Патронова не явилась утром на работу, начальница машбюро, где служила девушка, мигом звякнула ей домой и узнала, что Лена дома не ночевала. Родителям девушка позвонила из телефона-автомата, сказала, что она поедет с Витей в гости, там останется до утра, а потом сразу в офис. Ни мать, ни отец не волновались. Лене стукнуло тридцать, она была не замужем, жениха не намечалось. И вдруг появился Виктор. Да, он старик. Да, не красавец. Да, простой бухгалтер. Но мужик влюбился, дело катило к свадьбе, а родители очень хотели увидеть у дочки кольцо на пальце. Ни домашнего адреса, ни отчества, ни фамилии, ни года рождения жениха они не знали. Дочь пресекала все попытки выяснить у нее хоть какую-либо информацию. С Виктором ее родители не встречались. Желание выдать дочь замуж затмило им и ум, и глаза. А вот сотрудники организации, где служила Патронова, забеспокоились и начали поиск. Найти Виктора оказалось легче, чем

конфетку съесть. Естественно, все координаты знала лучшая подруга Елены. Мужчину нашли в больнице. Оказалось, ему за пару дней до исчезновения невесты сделали операцию. Уйти из клиники Виктор никак не мог. После работы машинистка примчалась в нему. Она намеревалась провести ночь около больного, которого днем из реанимации перевели в обычную палату. Медсестра сказала Лене, что Виктор просит томатный сок, доктор разрешил ему выпить небольшую порцию. Часы показывали семь. Елена побежала в близлежащий магазин, который был открыт до восьми, и… более ее никто не видел. Ясное дело, сыщики зашли в лавку. Кассирша, которая видела через окно улицу, сказала, что покупательница приобрела сок, вышла, к ней подошел школьник лет тринадцати. Внешность его она не рассмотрела, не определила, кто это был: мальчик или девочка. Одежда: брюки, черная куртка, капюшон на голове. На вопрос «Почему вы решили, что видите школьника?» сотрудница магазина пояснила: «У меня сын семиклассник, он так выглядит. Рост похож, и одежду они сейчас такую носят». Агенты взялись за работу и вскоре нашли в подмосковном лесу нелегальное кладбище с останками женщин. На тот момент у сотрудников уже был подозреваемый. Агенты провели в засаде не один день и в конце концов поймали мужчину и женщину, которые приволокли длинный предмет, завернутый в старое байковое одеяло.

Когда со всех сторон тайного погоста вспыхнули мощные фонари, парочка на время опешила и была схвачена. Задержанного звали Игорь Рудольфович Шмаков. Помогала ему жена – Кира Николаевна. В СССР пресса не устраивала лай по поводу поимки маньяка-убийцы. Вот про расхитителей народного хозяйства, про тех, кто уносил с родного завода что-то к себе домой, писать разрешали. Воров прилюдно клеймили позором. А сексуальных преступников не было, их в стране социализма не могло быть! Нет, и точка!

Шмакова расстреляли. К женщинам же высшую меру применяли крайне редко, по пальцам можно пересчитать представительниц слабого пола, которые вошли в особый коридор спецтюрьмы. Кира Николаевна изобразила жертву, сообщила о жестокости супруга, о том, что он обещал убить ее, если она обратится в милицию. Потом стала себя странно вести на суде, пыталась раздеться, ложилась спать на скамью подсудимых. В конце концов пришлось вызвать к ней врача.

Кира оказалась в больнице, из нее переместилась в особую психиатрическую клинику, оттуда в интернат, где и умерла.

Коробков оттолкнулся ладонями от стола, отъехал на стуле к окну и включил кофемашину.

– Странность, однако.

– Какая? – спросила я.

– Каменевы усыновляют паренька, – заговорил Димон, – в этом возрасте у мальчика почти нет шансов найти приемную семью. Подростков редко и неохотно забирают из интернатов. Как правило, люди хотят усыновить младенцев или ясельников. Даже у шестилеток уже малы шансы стать приемными. А Николай был совсем взрослый. Семья Шмаковых, Игорь, Кира и Коля, была прописана в Москве. Мальчик ходил в столичную школу. Когда он очутился в семье Каменевых, то сменил школу, пришел в новый класс, где и познакомился с Вероникой.

– Интересно, девочка знала, кто биологические родители Коли? – пробормотала я.

Димон пошевелил «мышкой».

– Думаю, нет. Есть тайны, которые люди хранят всю жизнь. Николаю сменили не только фамилию, но и отчество. Иметь в анкете отца – серийного убийцу, и сумасшедшую мать, его помощницу, как-то не комильфо. Коля был официально усыновлен, значит, во всех бумагах в графе «родители» он упоминал Петра Каменева и Инессу Штих. Они обеспеченная пара, жили в просторной кооперативной квартире, которая потом, после их кончины, отошла Алене, дочери Инессы от первого брака. Николай официально ничего не получил. Но никаких судов для «откусывания» своей доли он не затевал.

Теперь о Веронике. Ее родители погибли в горах, они увлекались альпинизмом. Девочка с трех лет воспитывалась бабушкой, вдовой генерала. Думаю, материальных проблем в семье не было. Поженились Коля и Ника почти сразу после того, как им исполнилось восемнадцать. Поскольку у меня перед глазами документы, сухие справки, то не могу сказать, как бабушка невесты отнеслась к столь раннему браку внучки. Николай остался по-прежнему прописан в квартире уже покойных приемных родителей, Вероника в родных апартаментах. Где они жили, фактически неизвестно. Ну а теперь то, что мне показалось самым

интересным. Игорь и Кира, биологические родители Николая, были прописаны в Москве в однушке. Отец еще владел домом в деревне.

Димон сделал паузу.

– Продолжай, – велела я.

– До того, как родного отца задержали, сын был прописан в Москве с родителями, – потер руки Коробков. – Думаю, ты понимаешь, что расстрельное дело с множеством жертв не за одну неделю для передачи в суд подготовили. Долго работали. Потом процесс… Не быстро судебная машина вертится. И что происходит с квадратными метрами, которыми владел Игорь Шмаков? Коля остается зарегистрированным в Москве, и на него оформляют дом, который молодой Игорь Шмаков приобрел в тысяча девятьсот сорок четвертом году.

– Еще война шла, а он озаботился покупкой фазенды, – поразилась я.

– До победы оставался еще год, – согласился Димон, – но уже было ясно, что фашисты не победят. Советская армия гнала их прочь. И однушки у Шмакова пока не было. Маленькая квартирка принадлежала Кире, будущей жене жестокого убийцы. А за пять лет до женитьбы Игорь становится владельцем недвижимости в селе… Угадай название?

– Невыполнимая задача, – вздохнула я.

– Подумай, – не отставал Димон, – ты слышала про это село.

Я подняла руки.

– Сдаюсь.

– Кокошкино, – заявил Димон. – Дом стоит на опушке леса, зеленый массив, густой. А в чаще, в укромном месте, находится кладбище жертв маньяка. Игорь Шмаков сидит в следственном изоляторе, его жена тоже задержана. Дача стоит пустая, никому не нужная. Ее во время следствия переписывают на Колю. Теперь напряги память. Николай говорит Веронике, что им надо приобрести дом на свежем воздухе. А квартиру жены предложил сдать. Ника не согласилась, она не

понимала, зачем им недвижимость в деревне. Муж более разговоров о фазенде не заводил, но вскоре привез супругу в крепкое благоустроенное здание со всей необходимой мебелью и утварью. Все было новое. Николай таки купил дом, и ему повезло: прежний хозяин отдал его, сделав ремонт и приобретя то, что необходимо для жизни. И где находится недвижимость? А? Тань?

– В Кокошкине?

– В точку! – обрадовался Коробков. – Там расположен добротный дом, для советских лет просто роскошный – есть газ, вода, канализация, электричество. Не щитовой сарайчик, куда надо ведра таскать и баллоны привозить.

Глава девятая

– Дом находится в том селе, где жили родные отец и мать Коли? – удивилась я. – Или в области есть еще одно Кокошкино?

Димон со вкусом чихнул.

– Ты порой демонстрируешь редкостную несообразительность. Николай вернулся в отчий дом, он ничего не покупал.

– Он обманул жену, – протянула я.

– Возможно, просто не хотел рассказывать ей правду об отце-маньяке, – поправил меня Димон.

– Странно, – сказала я, – ничего не сообщил супруге и не побоялся, что кто-то из соседей расскажет ей правду?

Димон потянулся.

– Дом Игоря Шмакова имел адрес – почтовое отделение Кокошкино, но стоял не в самом селе, а на большом удалении от него, на опушке леса. При нем был

огромный участок. Думаю, владелец не общался с деревенскими.

Я встала и начала ходить по комнате.

– Люди любопытны. К Шмакову нагрянула милиция. Небось понятых нашли из местных. Да о таком событии народ до скончания века не забудет.

– Тань, сядь, – попросил приятель, – не мельтеши перед глазами.

Я остановилась.

– Представь себя на месте Николая. Ты захочешь жить в доме, в котором арестовали твоих отца и мать? И ты говорил, что там неподалеку в лесу нашли кладбище его жертв. Мне бы в голову не пришло вернуться в такое место. Постаралась бы как можно быстрее его продать.

– В год задержания родителей Коля был школьником, – напомнил Димон, – подозреваю, что ему могли не сообщить правды.

– И он не стал интересоваться, куда подевались родители? – усмехнулась я.

– Сказал: «Не сообщили правду», – повторил Коробков, – солгали: «Папа и мама заболели, их увезли в больницу».

Я вернулась на место.

– Это могло сработать с пятилеткой. А Коля был значительно старше. И когда в дом вваливается милиция, то ее никак с врачами не перепутаешь.

– Почему ты решила, что подросток в момент приезда сотрудников МВД был дома? – спросил Димон. – Их взяли летом, у школьников были каникулы. Возможно, мальчик находился в лагере. Я пока не нарыл всех подробностей. Знаю лишь общую информацию. Меня она тоже удивляет. Каким образом Николай получил недвижимость в Кокошкине? Что его сподвигло поселиться в доме, где жил отец-садист? Вот насчет узнаваемости соседями могу дать разъяснения. Когда семья Николая Петровича перебралась в деревню, села уже не было. Через пару лет после приведения приговора в силу в Кокошкине

случился большой пожар, огонь уничтожил много домов. Жителей расселили по разным селам. Да и Николай, когда «купил» дом, повзрослел, изменился внешне. И, полагаю, ни его отец, ни мать, ни сам мальчик с деревенскими особо не общались. Вспомни, Коля ходил в московскую школу. Наверное, дом в Подмосковье использовался редко, как дача. Меня удивляет другое.

– Что? – спросила я.

– Очень уж быстро нашли Игоря Рудольфовича, – пояснил Димон. – Понимаю, что за дело взялись мегапрофи из дома на Лубянке. Но почему? Потому что была убита техсотрудница? Ладно бы следователь. Но самая обычная машинистка, которая не имела допуска к важным делам? Небось она меню для столовой печатала. По какой причине из-за нее поставили на уши лучших из лучших? А те резво помчались по следу. Что-то тут не так!

У меня по спине пробежал холодок.

– Кладбище в лесу. Убийца явно не хотел, чтобы его поймали. Случайно такой погост не найти.

Димон начал двигать «мышкой».

– Бывает иногда, что серийный маньяк устает сам от себя. Помню Ефима Горелова, давнее-предавнее дело, мы с тобой еще были незнакомы. На мужике гора трупов, но он ловко от нас уходил. А потом очень глупо засветился, приехал в день рождения матери домой. Ну, и конечно, его повязали. Знали, что он родительницу любит, предполагали: может прикатить к ней с букетом, устроили засаду, но особенно не надеялись на успех. Иван решил ущипнуть мужика, спросил:

– Что ж вы так неумно поступили? Я был против засады, говорил: «Ефим не дурак, он в квартире не засветится, сообразит, что мы его взять хотим, и не придет». А вы притопали.

Горелов не рассердился, спокойно объяснил:

– Иван Никифорович! Все. Пора мне на покой. Устал.

Я влез в беседу:

– Надоело убивать?

Ефим опять не проявил агрессии.

– Кто-то в моей голове, командир, отдающий приказ «Уничтожь», меня утомил. Не дает ни дня отдыха, гонит за жертвой. Но сейчас все. Конец истории. Я наконец ночь посплю спокойно. Да, лягу в камере, но перестану дергаться.

Димон потянулся за стаканом с водой.

– Это был мой первый серийщик. Я ему не очень поверил, решил: какую-то игру мужик затеял. Но потом стал замечать, что большинство тех, на ком десятки трупов, испытывают облегчение, когда их наконец арестовывают. И они правда спят в камерах. Мирно так, словно домой пришли.

Я махнула рукой:

– Мне такие типы не попадались.

– Какие твои годы, – улыбнулся Коробков.

– Ладно, поверю, что встречаются мерзавцы, которые устали сами от себя, – согласилась я, – но, наверное, их немного. Основная масса старательно заметает следы, не хочет оказаться за решеткой. Сомнительно, что отец Николая, убив очередную женщину, вез потом ее тело в Подмосковье. Опасно так поступать. Скорей всего он их где-то поблизости убивал. Возможно, в своем доме. Небось Коля знал правду.

– Тань, не фантазируй, – попросил Димон, – есть факт: Николай переехал в Кокошкино. Точка.

В дверь постучали.

– Войдите! – одновременно воскликнули мы с Коробковым.

Створка открылась, на пороге возникла группа людей. Впереди шла пожилая дама, одетая в элегантное светло-бежевое платье, на ее голове красовалась голубая шляпка, из-под которой выбивались седые волосы, завитые крупными локонами. В руках она держала крошечную сумочку. За ней вышагивал мужчина в летнем льняном костюме, красной рубашке и панаме. Немного необычная одежда, если вспомнить, что на дворе октябрь. Он нес портфель. Замыкал процессию парень лет шестнадцати. У юноши была прическа, которую Иван называет «нервный пудель». Темные кудрявые волосы стояли на голове дыбом, похоже, их месяц не причесывали. В ушах незнакомца блестели колечки, одно висело в носу, и еще пара на губе. Мятые джинсы, растянутая футболка с изображением розового мишки, клетчатая рубашка поверх нее, кроссовки и сумка самого непотребного вида довершали образ.

– Добрый день, господа, – хорошо поставленным голосом произнесла бабуля, – надеюсь, мы попали по адресу?

– Здравствуйте, – улыбнулась я, мысленно придумывая казнь для секретаря, который зачем-то впустил к нам в переговорную трио городских сумасшедших.

– Никита Павлович, – произнесла дама, показывая на парнишку.

– Привет, – отозвался «пудель» в джинсах.

– Миша, – продолжала старуха.

«Льняной костюм» шаркнул ножкой.

– Очень приятно видеть вас.

– Взаимно, – машинально ответила я.

Бабуля села к столу.

– Думаю, вы – Татьяна Сергеева. А мужчина – Дмитрий Коробков.

– Вы угадали, – отмер мой приятель.

– Это совсем нетрудно, – серьезно сказала посетительница, – навряд ли представителя сильного пола назовут Таней.

– Э… э… э… – протянула я, – объясните, пожалуйста, цель своего визита.

Дама улыбнулась:

– Она очевидна. Мы готовы приступить к работе.

– К какой работе? – спросила я.

– К практической, – пояснила незнакомка, – мы согласились помогать Татьяне Сергеевой. Рина нас умоляла несколько месяцев, но бросить все дела и начать сотрудничать с вами мигом не получалось.

– Вы знакомы с Ириной Леонидовной? – осторожно уточнила я.

– Знакома? – повторила гостья. – Мы близкие подруги.

Я бросила взгляд на Димона и через секунду услышала звонок своего телефона. Я схватила трубку. На том конце молчали, я сказала:

– Добрый день. Уже приехали? Сейчас спущусь.

Потом встала.

– Дмитрий, будьте добры, угостите наших посетителей. Чай-кофе, печенье-конфеты. Мне придется спуститься вниз на короткое время.

– Непременно! – воскликнул Коробков и направился к шкафчику с припасами.

А я покинула кабинет, на всякий случай отошла к лифту и позвонила домой.

Глава десятая

– Слушаю, – пропела Ирина Леонидовна. – Танюша, как дела?

– Все хорошо, – заверила я, – есть вопрос.

– Задавай! – велела свекровь.

– К нам сейчас пришли люди… – начала я.

– Танюшик, ты же не ожидала, что появятся слоны, – хихикнула Рина.

– Гости весьма странные, – продолжала я.

– Элефанты в Москве не самое обычное явление, – продолжала веселиться Ирина Леонидовна.

– В переговорной сидят женщина, паренек и мужчина лет сорока, – объяснила я. – Как зовут даму, я пока не выяснила, она свое имя не назвала, зато представила остальных членов компании: Никита Павлович и Миша.

– О-о-о-о! – заголосила Рина. – Наконец-то!

– Ты их знаешь? – уточнила я.

– Распрекрасно и со всех сторон! – закричала мать Ивана. – Дюдюля гениальна! Никита Павлович – мегасуперпрофи, а Миша… тут просто слов нет.

– Дюдюля? – повторила я. – Странная фамилия.

– Это имя, можно еще называть ее Дюдюня, – поправила Рина, чем ввергла меня в еще большее изумление.

– Дюдюля, наверное, сокращение, – предположила я, – или прозвище. Как зовут даму на самом деле?

– Ада Марковна, – объяснила Рина, – но она жутко злится, когда отчество слышит. Сколько ее помню, а помню я ее… э… столько лет не живут, сколько мы знакомы. В общем, она Дюдюля, Дюдюня, Дюдя, Дюля, Дюдю. И все в таком духе. На худой конец – Ада. Но никогда не Ада Марковна, обратишься к Штольцбаумкухенрайз таким образом и увидишь, как летают крокодилы.

– Что такое Штольц?.. Дальше я не запомнила, – изумилась я.

– Фамилия Дюдюли, – отрапортовала свекровь. – Тебе все понятно?

– Нет, – честно ответила я. – Зачем женщина с непроизносимой фамилией приехала к нам? Каким образом она смогла войти в здание? Мы никому не заказывали пропуск.

– Танюша, перестань задавать суматошные вопросы, – велела Рина, – сейчас все объясню. Дюдя младшая сестра Тотоши, старшего брата Ляли, мужа тети Никифора. Пока ясно?

– Никифор – ваш муж, отец Вани, – обрадовалась я знакомому имени.

– Всегда знала, что ты умнее большей части населения земного шара, – похвалила меня Рина. – А сестра мужа тети Никифора работала в советские годы в большом желто-сером доме, напротив стоял Дзержинский.

Я села на скамеечку у стены.

– Дзержинский Феликс Эдмундович, который создал в тысяча девятьсот семнадцатом году Всероссийскую чрезвычайную комиссию – ВЧК, она потом превратилась в ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ – ФСБ, так пока и называется, умер в тысяча девятьсот двадцать шестом году. Если женщина, о которой ты говоришь, работала в ВЧК, а Дзержинский стоял напротив и смотрел, то сколько же лет…

– Еще Грибоедов написал: горе от ума, – остановила меня Рина. – Тань, я имела в виду памятник.

– А-а-а, – протянула я. – Рина, можешь коротенько объяснить, зачем ко мне приехала Дюдюка с компанией. Но только начни не от Дзержинского, а поближе

к нашему времени.

– Ладно. Коротко. Дюдюлины бабушка-дедушка, мама-папа – все работали в большом желто-сером доме. У Дюди не было шансов стать парикмахером, о чем она, кстати, мечтала. Моя подруга получила несколько дипломов МГУ, она прекрасный психолог, специалист по решению разных задач. У нее нечеловеческий ум. Ну, вот тебе пример на логику. Сидит парень, даже если он встанет, тебе никогда не сесть на его место, это невозможно. Где он сидит, а?

– Стол, стул, диван, пол, подоконник, – перечислила я, – ванна, унитаз, забор, земля… Где еще устроиться можно?

– Спроси у Дюди, она мигом ответит, – пообещала свекровь. – Когда в стране все поменялось, Штольцбаумкухенрайз позвал к себе Никифор. Поверь, она лучшая! Когда Дюдя решила уйти на отдых, Ваня умолял ее остаться, но она отказалась. Ада стала преподавать, обучала молодежь, потом ей ударило в голову работать в частном агентстве. Пару лет назад мне надоело смотреть на твои мучения с новыми членами бригады. Ваня, конечно, поросенок. Превратил тебя в воспитательницу ясельной группы. Я стала упрашивать Дюдю поработать с тобой. И вот! Она согласилась, приехала вместе со своей командой. Никита Павлович гениальный артист, а еще он может разговорить даже каменную жабу. Не знаю почему, но ему все правду выкладывают. Миша эксперт орлиного полета, у него вместо головы куча энциклопедий. Теперь я за тебя спокойна. Их обучать не надо, они сами кого хочешь научат, на лету подметки рвут. Ой! Фаршированные перцы подгорают!

Рина отсоединилась. Я вернулась в переговорную.

– Наверное, Рина забыла передать мне привет, – сказала Дюдюля, едва я переступила порог, – у нее что-то на плите задымило.

– Вы просто ясновидящая, – вздохнула я.

– Нет, просто хорошо знаю Ирину Леонидовну, – возразила Ада. – Она постоянно забывает про свои кастрюли, но еда всегда бывает волшебной. А у меня даже яйца вкрутую не получаются.

– Со мной та же проблема, – призналась я. – Простите, как к вам обращаться?

– Тебе же Рина объяснила, – удивилась собеседница.

– Да, но… – замялась я.

– Дюдюля, Дюдю, Дюдюлечка и так далее, – неожиданно вступил в разговор Никита Павлович.

– У меня вопрос, – сказала я, – парень сидит, но если он встанет, я не смогу сесть на его место. Где юноша устроился?

– Незамысловатая проблема, – хмыкнула Дюдюля, – он сидит на твоих коленях.

Я приоткрыла рот.

– На моих коленях?

– Да, – кивнула подруга Рины. – Почему люди подчас не могут решить легонькие логические задачки? Из-за стандартности мышления, зашоренности ума. Знаешь, что такое шоры?

Я кивнула:

– Такие штучки, их надевают лошади на голову около глаз, чтобы она смотрела только прямо и бежала в нужном направлении.

– Ограничение обзора, – согласилась Дюдюня, – а у народа мозг зашорен, не способны люди мыслить нестандартно. Почему ты не решила эту задачу? А потому что услышала: «парень сидит». Если бы сказали – девушка, еще могла зародиться мысль о коленях. Но юноша! На твой мозг надели шоры, ты думаешь, что мужчина не может сидеть ни у кого на коленях. Да почему? Потому что это стереотипное мышление, оно тебе подсказывает: мужики устраиваются на стуле, столе, диване, земле, ну и далее. Про колени ты и не подумала.

– Не думала, – согласилась я.

Дюдюля развела руками.

– Больше мне сказать нечего. Ну как, берешь нас?

Я посмотрела на Димона, тот кивнул и заговорил:

– Мы, конечно…

– Готовы с вами работать, но окончательное решение принимает Иван Никифорович, – на одном дыхании выпалила Дюдюля. – Правильно, нельзя ничего делать без согласия Вани. Я знаю, что он обрадуется, но давайте соблюдать порядок. Татьяна, ты имеешь право приглашать консультантов?

– Да, – согласилась я.

– Значит, до возвращения Ивана Никифоровича в Москву мы консалтеры, – подал голос Миша.

– Ой, не люблю заковыристых современных выражансов, – отмахнулась Дюдюля, – просто советчики. Рассказывайте, что да как.

Я изложила суть вопроса, с которым к нам пришла Вероника Каменева.

– Внезапная смерть не такая уж редкость, – высказался Миша, когда я завершила рассказ, – человек может быстро и неожиданно покинуть бренный мир. Оторвался тромб. Инсульт. Инфаркт. Укус ядовитого насекомого. Упал, сломал шею. Шел мимо какого-то здания, из окна выпала кастрюля, упала на макушку. Но бывает и кончина от стресса. Известен случай, когда невеста умерла во время свадьбы в тот момент, когда отец вел ее к алтарю. Возможен уход из жизни от страха. Слишком сильная эмоция способна устроить мощную бурю в организме человека. Можно посмотреть то, что написал медик? Диагноз по двум мужчинам. Николаю и Максиму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/lazurnyy-bereg-bolota

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити